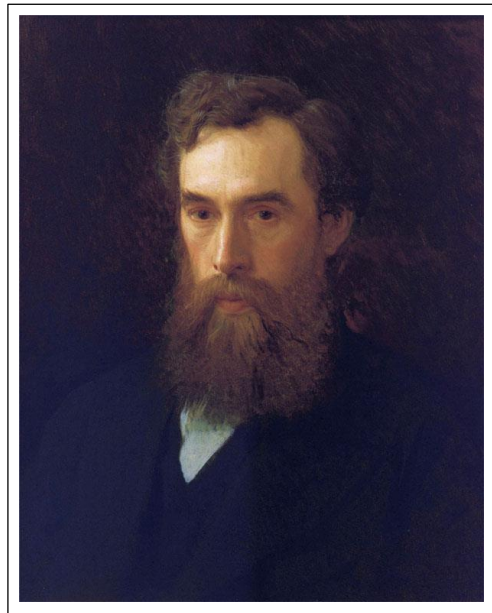

ДЕКАБРЬ

14 декабря 1898.

П.М. Третьяков
(Портрет работы И.Н. Крамского)

ХРОНИКА

Панихиды по Третьякову

В церкви Императорской Академии художеств священником Благовещенским отслужена сегодня панихида по скончавшемуся действительном члене Академии Павле Михайловиче Третьякове, на которой, между прочим, присутствовали: вице-президент Академии граф И.И. Толстой, секретарь Академии Лобойков, А.Н. Бенуа, П.А. Брюллов, Дубовской, Рерих, А.П. Соколов, Чистяков и много других художников. На днях члены Общества передвижных выставок собираются отслужить панихиду по покойном Третьякове в Казанском соборе.

Биржевые новости. 1898. 14/26 декабря. № 341. Понедельник. С. 2.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып.1. 2004.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Когда Третьяков купил «Гонца» и узнал, что эта картина является частью целой серии «Славяне», он просил, прежде всего, показать ему остальные. Не суждено было – через год он умер.

Этюды русской старины были приобретены Государем для музея. В тот же день началась японская война и всё отложилось. Жаль, памятки о наших народных сокровищах были бы очень уместны. Ведь тогда ещё не было принято ценить народное достояние»... (Н.К. Рерих. «Срывы». 1944.)

16 декабря 1898 г. СПб.

Р. Изгой

НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА. III.

С.-Петербург, 16-го Декабря 1898 г.

Большая статья в искусстве - целесообразное руководство и подходящая окружающая среда. Иной раз нужная искорка сидит в человеке где-то далеко, прикрытая таким слоем всякой всячины, что откопать и раздуть её может только стечение всевозможных счастливых обстоятельств. Бывает, не попадёт человек в должное общество, кто-нибудь грубою рукою перевероршит его внутренний жар и холодной золой засыплет горячие угли, а они могли бы со временем разгореться, согреть и осветить многое. Бывает и так, что если и раздуют огонь, то сделают это слишком уж неумело, попросту говоря - чужою спичкою засветят. Мастер же дела подойдёт осторожно, всмотрится в золу, слегка её пошевелит, поглядит, в каком угольке тлеет ещё, чтобы раздуть огонь индивидуальный, свойственный именно этому костру; кто на что способен, что в ком лежит - отгадает лишь знаток, а насколько немногие обладают этими качествами.

В счастливое положение попал, например, А. Борисов, недавно временно вернувшийся с Крайнего Севера. Уроженец Севера, он любил свою родину, подмечал её малоизвестные красоты (мотивы величавые, полные настроения) и всё более и более проникался мыслью когда-нибудь дать полную и правдивую картину Севера. Он выдвинулся за последние 3 года; на ученических выставках в Академии, среди работ учеников проф.-руководителя А.И. Куинджи, его северные этюды были из лучших и привлекали общее внимание новизною своих сюжетов. Лучшего учителя для Борисова не нашлось бы, чтобы мог узнать и угадать его, судя по его прежним работам, и так удачно толкнуть его на дело. А тут ещё собралась дружная художественная семья, загудели горячие споры, поднялись вопросы, спокойно до той поры почивавшие, и многие прозрели. Из близоруких стали до того дальнорукими, что все это заметили и диву дались.

А. Борисов. Чум ненцев в Малых Кармакулах на Новой Земле. 1896.

Затеи А. Борисова, о котором теперь так приятно говорить, обязаны отчасти дружному товарищескому объединению, широкому общему подъёму. Бродившая мысль относительно общей картины Севера уложилась в широкие рамки и получила скорое осуществление: как известно, г. Борисов получил от правительства средства снарядить художественную экспедицию и по возвра-

щении целую серией картин дать связное повествование об этом таинственном мире.

Минувшим летом г. Борисов сделал предварительную поездку, из которой привез до 70 этюдов; теперь же, выстроив соответствующее судно и складной дом, готовится он к 3-х-летней жизни на Севере¹.

Ведь задумана эта затея в большом масштабе, как-то несовременно большим, совсем вразрез идущим с избитым мнением об общей теперешней косности.

Завидно бывает, когда в нестерпимо жаркий день, на охоте, товарищ кричит издалека: "А я ручей нашёл! Вода чистая!" Я думаю, на многих художников дело г. Борисова должно производить впечатление подобного зова. Ему удалось найти новый ручей, никем не затоптанный, на дне которого ничьих тюбиков красочных не валяется.

Гоголь писал: "Если... плюнул на все приличия и условия светские, надел простую куртку и, отогнавши от себя мысль не только об удовольствиях и пирушках, ...ведёт жизнь истинно монашескую, корпя день и ночь над своею работою... - за эти-то подвиги нужно, чтобы ему была выдана награда. Это нужно особенно для художников молодых и выступающих на поприще художества, чтобы не думали они о том, как заводить галстучки да сюртучки, да делать долги для поддержания какого-то веса в обществе; чтобы знали вперёд, что подкрепление и помощь со стороны правительства ожидает только тех, которые уже не помышляют о сюртучках да о пирушках с товарищами, но отдались своему делу, как монах монастырю" (IY, 698).

Оторвать себя от близких, от всего света, без малого на 3 года; подвергнуть массу серьёзных опасностей; приурочить себя к противным особенностям туземной жизни (как, напр., ночёвка в вонючем чуме, еда сырого мяса и пр.) для того, чтобы основательно рассказать всему миру о родном крае, - это задача немалая и заслуживающая поддержки.

Надо думать, г. Борисов доведёт до конца свою затею, пока же одно можно сказать, что если являются подобные ему инициаторы и инициатива эта находит себе осуществление, то дело обстоит совсем хорошо - подпорка искусству выходит надёжная.

Страшно мне единственно за одно: как бы не засосала г. Борисова опасная пучина (из которой вылезти потом нелегко) - этюдность, фотографичность. Творчества, творчества больше; взмахнуть крыльями надо сильнее. Для такого взмаха, конечно, прежде всего нужны талант и всестороннее знание края, а г. Борисов его уже теперь знает достаточно, да и талантом по-видимому не обижен.

Не успеешь сказать чего-нибудь радостного и приятного, как тотчас же на смену выступает нечто, донельзя грустное, невыразимо печальное. Трудно высказать, какую тяжёлою утратою для искусства является смерть Павла Ми-

¹ Следует отметить, что Борисову удалось осуществить свою давнишнюю мысль о таком предприятии лишь благодаря самой широкой поддержке, какую он встретил со стороны г. министра финансов С.Ю. Витте, с которым ему довелось сделать первое путешествие по Северу. Не будь этого факта, быть может, ничего не вышло бы из всех благих намерений и предположений. Поэтому нельзя не порадоваться от души столь счастливому обороту дела, давшего уже теперь такие блестящие результаты. Чтобы познакомить читателей с сделанным Борисовым запасом художественных впечатлений, редакция поместит у себя, с согласия г. министра финансов, его "художественную поездку на Вайгач" с несколькими воспроизведениями его работ в красках и фототипиях.

хайловича Третьякова: редко кому удавалось сделать столько полезного для своей родины, как ему.

Не след упоминать о П.М. и его делах как-нибудь между прочим, в обычном письме; можно указать здесь лишь на одно мнение, высказанное в небольшом кружке художников, а именно: чтобы, если галерея его будет расширяться - что вне всякого сомнения - новые приобретения не надо смешивать с прежним составом; пусть бы собранное самим П.М. ядро сохранилось отдельно, неприкосновенно и свидетельствовало бы о его могучей деятельности. "Под какое бы руководство ни попала теперь галерея, - раздаётся промеж художников, - всё же та известного рода поэзия, окружавшая её, миновала навсегда". Большое несчастье, тяжелая, невозвратимая потеря!

После упоминания про неё просто не хочется дальше писать: мелкими, крохотными кажутся разные текущие дела.

* * *

Ничего особенно интересного не было на последнем собрании Академии. 23 ноября обсуждался вопрос об избрании комиссии для покупки Академией произведений с СПб. выставок. Ещё 23 марта с. г. были установлены для сего следующие правила: 1) избирать комиссию из 3-х лиц и 1 кандидата; 2) требовать для покупки единогласного решения; 3) ежегодно избирать новый состав комиссии, причём бывшие члены могут быть избираемы вновь не ранее, как по прошествии одного года после выбытия из комиссии и 4) решение комиссии подлежит утверждению Президента Академии, который может, предварительно резолюции, предложить вопрос о приобретениях - на заключение Академии. Настоящим собранием выбрана такая комиссия в составе В. Маковского, И. Репина, П. Чистякова и кандидата В. Беклемишева.

Хранитель музеев Академии А.П. Соколов обратился в Совет с заявлением, в котором говорит, что "По должности хранителя музеев, выдающего разрешения на право копирования, мне прискорбно видеть, что ученики Высшего художественного училища, копирующие в академическом музее для материальной своей поддержки, останавливаются на выборе оригиналов - на ходовых рыночных сюжетах, часто лишённых художественных достоинств, и продают свои копии за ничтожную цену в кабинет Потапова, кассу учеников или магазины. Несомненно, что некоторые из учеников могли бы превосходно исполнять копии со старинных мастеров в Имп. Эрмитаже или Кушелевской галерее с пользой для себя, если бы сбыт этих копий был им более или менее обеспечен. Я полагаю, что в настоящем случае Академия должна была бы оказать этим ученикам своё содействие и покупать хорошо исполненные копии с иностранных мастеров для провинциальных музеев, лишённых возможности знакомить другим путём местное общество с шедеврами Петербургских галерей..." Предложение А.П. Соколова в собрании, однако, не прошло.

Для музея Императора Александра III приобретена на том же собрании картина А. Попова "Радостные известия". В зале заседаний были выставлены ещё работы учащихся Казанской художественной школы.

Казанская художественная школа обратилась в Совет Академии с ходатайством о средствах для постройки собственного дома под школу. Ходатайство основывалось на том, что Казанская школа развивается быстро: число учащихся уже достигает 190 чел., а с открытием ещё двух классов оно должно увеличиться приблизительно ещё на 100. До сих пор открыто: 4 общеобразо-

вательных класса, вечерние рисовальные же, живописный отдел, гравёрный и начальные классы архитектурного отдела. Предстоит ещё: открыть 2 общеобразовательных класса, организовать скульптурный отдел и устроить музей и библиотеку. "А между тем, - говорится в ходатайстве, - то наёмное помещение, которое до сих пор занимала школа, не удовлетворяет уже и при настоящих условиях самым насущным потребностям школьного дела по своей тесноте, непригодности, отсутствию достаточного и правильного освещения и полному отсутствию вентиляции, что особенно вредно отзывается на здоровье учащихся в вечерних рисовальных классах, освещаемых большим количеством керосиновых ламп". За отсутствием надлежащих сумм, Академия должна была отказать, однако, в этом ходатайстве. В самом деле, не слишком ли малы суммы, предназначенные на удовлетворение художественных потребностей провинции? Во Франции, напр., на областное искусство идёт до 9/10 всех назначенных на развитие искусства сумм, а у нас из трёхсот тысяч общей суммы на долю провинции выпадает лишь 40 000. (Собственно 90 000, но 50 000 идут на Москву).

5-го декабря мастерские Академии осматривала группа учеников и учениц Гельсингфорской художественной школы, с проф. Гебгардтом во главе, совершающая довольно обширную художественную экскурсию.

* * *

Нет надобности много распространяться о посмертной выставке Ендогурова, Шишкина и Ярошенко, так как всем хорошо известны - личности умерших художников, особенно двух последних. Выставка производит цельное впечатление; составлена она тщательно и довольно полно², Художественная деятельность Н.А. Ярошенко особенно хорошо представлена; главные его произведения все налицо, так что петербуржцы имеют возможность возобновить в памяти давно не виданные здесь картины: "Заключённый", "Причины неизвестны" и т.п., взятые из галереи Третьякова. Менее удачно характеризуется выставкою личность Шишкина, более полное собрание произведений которого было выставлено 7 лет тому назад, и ещё менее - Ендогурова: некоторые из выставленных этюдов могли бы с успехом остаться дома, ибо ничего существенного к памяти умершего не прибавляют.

По поводу прекрасных образцов работ Имп. Фарфорового и Стеклянного завода, выставленных в помещении Имп. Общества поощрения художеств, напрашивается одно маленькое замечание: почему не видно там проб воспроизведений наиболее древних стилей? Сколько интересных мотивов можно было бы выбрать из них.

² Нельзя только не сделать двух-трёх замечаний относительно внешнего устройства выставки и некоторых подробностей; произведения умерших художников, видимо, развешаны без особой системы, в совершенно случайном порядке, что не совсем хорошо для посмертной выставки, и снабжены такими мелкими JNaNe, отпечатанными к тому же на тёмной бумаге под цвет окружающего их коленкора, с которым они и сливаются, так что их с трудом можно рассмотреть даже в бинокль или лупу; у названий, в каталоге, не выставлено годов, как это обыкновенно везде принято и делалось до сих пор на посмертных выставках и что не трудно было сделать особенно при существовании перепечатки указателей передвижных выставок и таких прекрасно составленных каталогов, как, напр., опись галереи Третьяковых; наконец, нет там и никаких указаний насчёт не попавших на выставку произведений, что также всегда практиковалось прежде и по чему можно было бы судить об объёме деятельности умерших художников.

Если верить газетным известиям, скоро предстоят выставки корейская и американская, а также выставка картин безрукого жанриста, держащего кисть ногою.

Г.П. Анненков в скором времени устраивает выставку гравюр и рисунков русских и иностранных журналов, иллюстрирующих важнейшие события царствования Императора Александра III. В состав этой выставки войдет более 2000 №№. Доход с неё поступит в пользу Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Екатерининской женской гимназии.

На днях закрылась выставка в помещении Академии наук, устроенная дамским благотворительным комитетом Общества врачей-гомеопатов. Без сомнения, на этой выставке побывали не только убеждённые в том, что децилионная часть грана серы, угля и мела производит сотни симптомов, но и люди, не совсем в этом убеждённые.

Интересно бы знать, что именно руководило художниками при представлении произведений на гомеопатическую выставку? Специальное ли желание помочь гомеопатам или так, вообще, бессознательный порыв к добродетели, без особых размышлений, - коли просят, надо дать. Трудно говорить, не зная, в какой мере дороги принципы гомеопатии художникам, принявшим на выставке участие, но всё же, при росте благотворительных выставок, делается необходимым отдавать себе отчёт, что именно должна пропагандировать представляемая картина.

Про благотворительную выставку, к тому же устроенную дамским комитетом, много судить да рядить не приходится: не похвалить художников - нельзя, ибо благотворение, исключительно же хвалить - невозможно. Не знаешь, право, как относиться к выставкам с благотворительною целью: в какой связи находятся они с искусством? Сами художники смотрят на подобные выставки в большинстве случаев несерьёзно: "Просят, пристают - надо послать что-нибудь", - говорят они, отправляя на выставку что-нибудь безобидное. Так же, как на благотворительном базаре, покупают что-либо вовсе не нужное, покупают лишь ради процесса покупки, так и на благотворительной выставке смотрят почти что по какой-то обязанности, а что именно разглядывают: будут ли это картины или прочие изделия - это почти дело второстепенное.

Воображаю, если бы кто из художников вздумал поставить на такую благотворительную выставку что-нибудь действительно капитальное, выдающееся, серьёзно обработанное, - то-то бы все наверно удивились: "Что он, с ума сошёл? не нашёл более подходящего места!"

Конечно, нельзя ничего иметь против благотворительных выставок, но всё же нельзя и не заметить лишнюю путаницу, вносимую ими и в без того усложняющийся художественный обиход. В отношении иностранных с благотворительною целью всякие смущающие обстоятельства менее тревожат: в них в самом деле находим новое, необходимое публике дополнение к художественному образованию, но русские выставки с такими же целями и притом с несерьёзным, снисходительным отношением даже самих авторов - уместны ли? Скучно смотреть на педантов искусства, со значительной миной шествующих по выставке: немедленные разбор и критика лишают даже единого мгновения художественным произведением; ещё скучнее смотреть на порхающих меж картин джентльменов, недоумевающих - к чему они тут.

* * *

Академии наук повезло на благотворительные выставки: не успевают закрыться одна, как газеты оповещают, что там же в скором времени открывается другая - выставка картин южнорусских, где принимают участие до 60 авторов, и доход пойдёт тоже на благотворительные цели. Хотя немного удивляет и пугает чрезмерное развитие благотворительных художественных выставок, но одну хорошую сторону они имеют несомненно: они счастливо разрешают вопрос о входной плате. (Надеюсь, в будущем, при случае, представить разнообразные суждения по этому поводу). Благотворительные художественные выставки прежде всего избавляют некоторых художников от неблагоприятного залезания в общий карман, т.е. от желания повышать цифру стоимости произведения для увеличения дивиденда. Как известно, при упоминании дивиденда иной раз обнаруживается довольно откровенный цинизм: за вещи заведомо неважные или непродажные портреты назначается гигантская цена - ради получения лишнего десятка рублей.

Прошлогоднее общее собрание экспонентов Весенней академической выставки желало избавить слабых духом художников от подобного соблазна - на этом собрании было решено делить дивиденд поровну. Если и такую постановку нельзя назвать идеальной, если и при ней дело также не обойдётся без несправедливостей и обид, то всё же неблагоприятностей будет меньше, нежели при зависимости суммы причитающегося дивиденда от стоимости экспонатов.

Впрочем, более идеальное решение задачи тоже недалеко, если, ввиду предположенного передвижения избранной части выставки в Москву, для издержек перевозки и организации экспоненты наберутся мужества совсем отказаться от дивиденда, который и поступит в фонд на передвижение выставки.

Недочёт в случайном приходе несколько десятков рублей (ибо вещь может быть и вовсе не принята на выставку) никого не погубит; к тому же этот ущерб будет щедро возмещён, если и не сознанием чистого отношения к искусству - такое удовлетворение носило бы чересчур несовременный, платонический характер - то, по крайней мере, распространением известности и большей возможностью продажи картины, а известность, помните, по новому уставу не совсем простой звук.

Физические условия вряд ли позволят передвинуть выставку во всём её составе, так что придётся ограничиться посылкою в Москву только избранной части её. Препятствием благому делу общего отказа от дивиденда - не послужит само собою риск, что вещь может оказаться не выбранной для передвижения: страх перед таким риском возможен только у близоруких людей, которым недоступны какие-либо побуждения.

Будет живо лишь то, в основании чего положена идея. Живут и будут жить для искусства передвижники, сплотившиеся во имя идеи; не живут для искусства многие другие сообщества, где, пожалуй, хоть в микроскоп гляди, никакой идеи не доищешься, а если и найдётся таковая, то искусству она приятна не может быть.

Академическая выставка (особенно, если осуществится проект передвижения её в Москву) может занять определённое, оригинальное место в ряду прочих выставок - прошлый год доказал это блестяще; но с такой счастливой дороги не трудно и свихнуться. Предстоящий год должен явиться в истории

академических выставок заметным и даже, может быть, решающим; поэтому можно рассчитывать на сугубо внимательное отношение художников к делу. А вдруг опять безличная, рутинная маска опустится на выставку Академии? - будет жаль! Не должны художники допускать такого афронта.

На прошлом акте Академии в отчёте указывалось на особый успех минувшей выставки, выразившейся прежде всего на почти удвоившемся числе посетителей. Может быть, успех этой выставки был не случайный: ведь если явилась возможность выбрать и составить одну такую удачную выставку, то, без сомнения, явится возможность собрать и вторую, лишь бы нашлись подходящие люди, а они - есть.

Про Весеннюю академическую выставку уже ведутся втихомолку различные разговоры; говорить - есть о чём.

Долго тяготевшая над этими выставками "академичность" (про неё достаточно уже писалось), очевидно, нарушилась в прошлом году. В многочисленных рецензиях об этой выставке, наряду с чрезмерным разбором вещей Катарбинского, почти везде опускался один важный отличительный признак её, а именно: что наряду с элементами прежними, известными, в состав выставки вошли элементы совершенно новые; обнаружилась целая группа лиц молодых, имён, до сих пор почти не слыханных (Шмаров, Браз, Рущиц, Пурвит, Вальтер, Зарубин, Рылов и др.).

Для старой Академии многие из работ этих молодых художников должны были показаться достаточно еретическими; истым приверженцам старого закала присутствие на выставке вещей с некоторыми, быть может, особенностями орфографии (хотя даже Гоголь не всегда избегал подобных ошибок) могло показаться странным, но именно на работах этих неизвестных большинству художников и появилось нечто новое, жизненное, сообщившее всей выставке живой, разнообразный характер, выдвинувший её из ряда и обративший на неё общее внимание.

Работы молодой группы были чужды отживающих бессмысленных новшеств, и в них-то проявлялось несомненное искание настроения, правды, выраженной в художественной форме.

Что должна представлять из себя академическая выставка? Есть ли удобный совместный художественный рынок под громкую фирмой? Складочно-свалочное ли место? Педагогическое ли учреждение со сравнительным методом? Богадельня ли? Есть ли она приют художественных калек, бессердечно отвергнутых прочими соответственными учреждениями? Или, быть может, именно на ней - на выставке в стенах Академии - должны отражаться новые, светлые веяния, должны подыматься и находить хоть некоторое разрешение вопросы о принципах, о задачах искусства?

Где же, кроме Академии, и приличествовало бы проявляться чему-либо не совсем будничному, искренним стремлениям и любви к искусству? Если на деле до сей поры выходило как раз наоборот, то ведь не невозможно же и что-нибудь лучшее?

Все говорят, пора от хороших слов перейти к делу; а может быть, вопреки всяким примерам, именно в стенах Академии окажется нечто, соответствующее её идеальной задаче - распространительницы и хранительницы искусства.

На все лады, и басом, и тенорком, и фальцетом, повторяется слово "свобода", раз речь зайдёт об основаниях выставки. Действительно, в основу выстав-

ки должна быть прежде всего положена свобода - с этим, думаю, все художники согласятся так же, как согласятся и с тем, что нельзя признать за стеснение свободы, напр., запрещение на улице каких-либо шокирующих непристойностей.

В деле искусства свобода должна быть понимаема, как свобода искусства, а не как свобода - произвол личности. Не могут быть причислены к свободному художеству портреты с единственно служебным назначением, без всяких художественных задач и помыслов; к чему-либо иному должна быть отнесена большая часть тех рыночно-приличных (если даже, быть может, до известной степени и грамотных) произведений, предназначенных для украшения стен, наряду с предметами сомнительной художественной промышленности. Основание грамотности, выдвигаемое многими, совершенно неосновательно - иначе все трактаты об искусстве пишутся бесцельно: писатель пописывает, а читатель почитывает.

Всё это, кажется, уж так старо, так ясно, неоспоримо, что никто не сомневается, что, кладя в основу выставки свободу, он всё же не имеет права рассчитывать на приём всего, что ему заблагорассудилось бы представить.

Побольше задач, побольше любви к делу и поменьше всяких узкопрактических соображений и суждений, фарисейских шкурных.

Если в прошлый раз я упомянул вскользь о предстоящей организации академической выставки, то сокровенною мыслью этого напоминания была, сознаюсь, дерзкая мечта: не отзовется ли кто, не подаст ли голос... Может ли считаться удачным заседание, в котором участники, закрывшись зелёными козырьками, оседлав носы стёклами и уставя бороды, будут только величественно принимать к сведению, не проявляя никакой жизни. Что можно подумать? Безжизнен ли излагаемый предмет, или же... тут предположение более печального свойства. Вряд ли, однако, для большинства художников представляются безжизненными вопросы о выставках. Такое отношение художников к своему делу живо напомнило бы соображения крестьян при шоссировке дороги:

"И отцы, и деды, и все добрые люди ездили себе исстари, а теперь, вишь, не показалась дорога-то! По нам и так хороша, до дому доедем".

Откликнитесь, гг. художники! Ау-у!

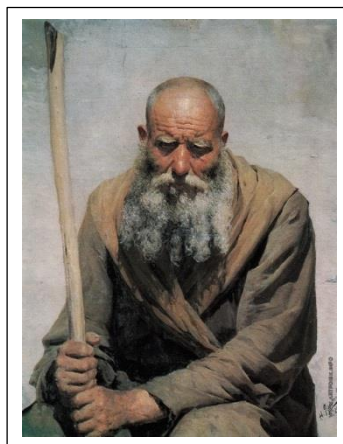
Неужели художники опасаются, что в случае отклика их постигнет судьба Антропки из тургеневских "Певцов"? Какими бы домкратами и рычагами сдвинуть их с места? Ведь все отговорки о неумении владеть слогом тут не у места: здесь другое, здесь "моя хата с краю" примешана. Забился щедринским пескарём в норку и дрожит, как бы его щука не сглотнула. По два, по три вести конспиративные разговоры - это в обычае, а как время придет погромче сказать, так куда вся прыть делась - тут и в горле запершит, и чих нападёт: "А что скажут?" - "принято ли?"

Что это, ужас ли перед печатным словом? - постыдное ли к добру и злу равнодушие? - или искреннее сознание, что всё обстоит благополучно и говорить не о чем? Только тёплым, лишь на простывшем самоваре подогретым, норовит быть большинство художников в общих художественных делах, а ведь "ты был ни холоден, ни горяч, но тёпл, и за то исторгну тебя из уст моих", - гласит, между прочим, Апокалипсис.

Беру на себя смелость обещать, что если в редакцию поступят какие-либо заявления и соображения относительно выставок (к тому же изложенные не

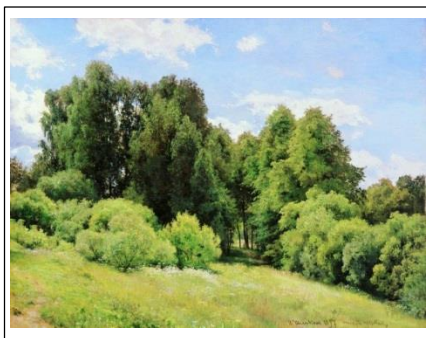
слишком пространно), они будут напечатаны в следующем же № этого журнала, выходящем как раз перед открытием главных выставок.

P. S. С посмертной выставки управлением музея Императора Александра III в СПб. приобретены следующие картины:

Н.А. Ярошенко. Старик. 1892.

Н.А. Ярошенко - "Старик" и "В тёплых краях";

И.И. Шишкин. Полянка.

И.И. Шишкина - "Полянка", "Верхушки сосен" и "Полянка с соснами";

И.И. Ендогурова - "Лунная ночь зимою в Аяччио" и "Ялтинский мол".

Искусство и художественная промышленность. 1899. Январь-февраль. № 4-5. С. 375-383.

30 декабря 1898 г.

Письмо И.Е. Забелина в Императорскую Археологическую Комиссию

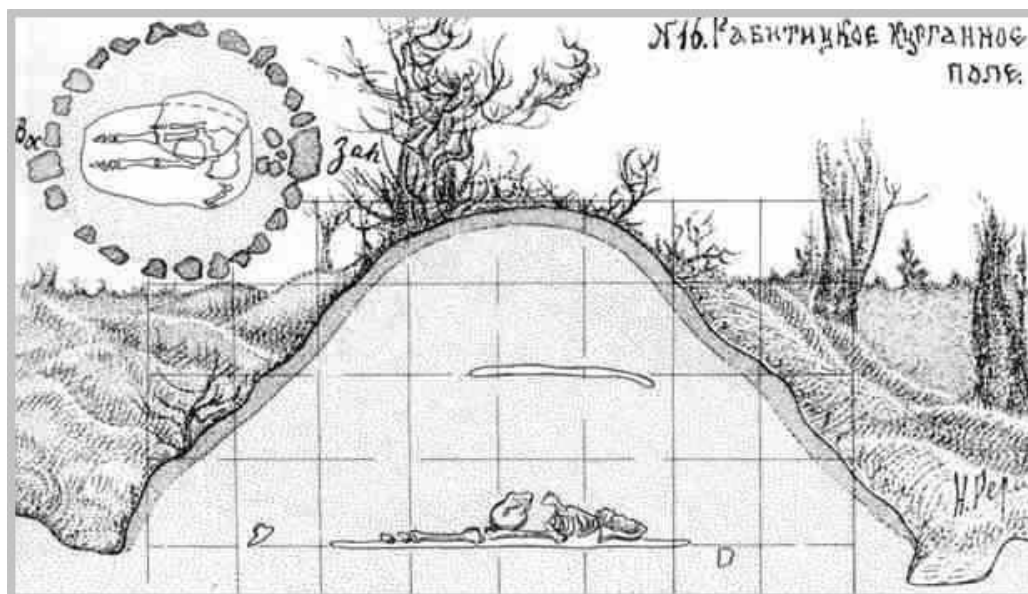
30 Декабря 1898 г.

В Императорскую Археологическую Комиссию

Управляющий Императорским историческим Музеем с благодарностью имеет честь уведомить о получении препровождённых для коллекции Музея, при отношении Комиссии 1 Апреля сего года за № 516, двух моделей курганов Петергофского уезда, исполненных в 1897 году художником Н.К. Рерихом.

Товарищ Председателя Тайный Советник *Иван Забелин*

Автограф на бланке Имп. Российского Исторического музея, № 1027. РА ИИМК, ф. 1. № 54/1897, л. 20.

Стратиграфический разрез кургана № 16 из курганной группы в окрестностях с. Рабичицы Санкт-Петербургской губернии.

Рисунок Н.К. Рериха. Архив Института истории материальной культуры РАН